

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Артур Кинк

Предпоследний крестовый поход

Артур Кинк

Предпоследний крестовый поход

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кинк А.

Предпоследний крестовый поход / А. Кинк — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Ядерная война две тысячи двадцать первого года уничтожила большую часть цивилизации. Люди живут без света, тепла и надежды. Последний оплот человечества, созданный уцелевшими европейскими государствами, контролируют монархия и католическая церковь во главе с папой римским Хьюго Седьмым. Но кто на самом деле правит балом? И какую угрозу ждать из безжизненных земель? Содержит сцены насилия. Изображение на обложке из архивов автора. Содержит нецензурную брань.

© Кинк А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. В погоне за прошлым	6
Глава 2. За забытыми окнами	8
Глава 3. Живительные силы	16
Глава 4. Спрос рождает Бог, дьявол – предложение	18
Глава 5. Единственное верное решение	29
Глава 6. Посевы	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

Святыня опустошена не ими. Их молитвы кричат чужие уста. И чужие пули вонзаются в тела их врагов, доверяя им лишь засыпать хлорной известью смердящие тела.

Жалкие остатки последнего батальона оуплено глядят на колонны ржавых автомобилей и чужие костры в захваченных домах. На подбородках присохла кровь пустынных сусликов, которой они утоляли жажду. И только ле Пьер, гремя браслетами наручников хохотал как ненормальный на всю пустыню.

Глава 1. В погоне за прошлым

Начало сентября две тысячи шестьдесят девятого ознаменовали проливные дожди и призывы к войне. Голос епископа раздавался как звон колокола, надетого на голову, и эхом, метался между стен в тягучем пропахшем потом и грязной одеждой воздухе. Ричард расчесывал под воротником красную и мокрую шею.

– Господь уже очищал святым атомным огнем род человеческий, но снова зародилось зло. Змея, что кусала и пожирала всю Европу сотни лет, вновь вылупилась из яйца, и неумолимо ползет к нашим городам, к нашим домам, к колыбелям наших детей. Она подминает под собой плодородные земли христовы, оставляя нам мертвую и отравленную. Мы теснимся как черви, а должны встать, как львы. Как наши предки бились за каждый дюйм данных богом земель...

Среди лавок, спотыкаясь о чужие ноги и пустые бутылки, ходил сутулый магистр Антоний. Рябые скулы и острый птичий нос выглядывали из-под капюшона его тёмно-коричневой мантии.

Он остановился возле Ричарда и протянул спичечный коробок.

– Это придаст бодрости, капитан, – прокуренный голос магистра, звучал убедительно. Его ничего не выражающее лицо, для всех служило маяком в любом безумии. Ричард двумя пальцами забрал у магистра коробок и протянул завернутые в платок купюры.

Магистр резко выставил руку.

– Не нужно. Для вас, капитан, бесплатно.

Ричард огляделся. Брендон дремал, уткнувшись подбородком в грудь, Алекс вычищал из-под ногтей грязь, изредка поднимая голову, и пытается разглядеть понтифика за спинами охранной кавалерии.

Ричард опустил голову между колен, делая вид будто поправляет ботинки и высыпал содержимое коробка в рот.

– Рай распахнет врата, тем, кто отказался от греха, от праздности, прелюбодеяния, воровства и убийства братьев своих. Для тех, кто отдаст свою жизнь на волю господя, для тех, кто даст детям нашим и внукам, прозрачную воду и пищу, растущую под ногами. И даст он шанс тем, кто голоден и бос, и даст шанс тем, кто ел братьев и сестер своих. Кто ради евро, забывал про молитву.

Кровь прилила к щекам. Храп, сморчки и кашель соседей по лавке отошли на задний план. Шея уже горела огнем, и Ричард прикладывал металлические и холодные наручные часы к шее.

– Снизойдет благодать на каждого, кто оправится... – голос папы звенел, будто в пустом стакане. Он больше не терялся в общем шуме и не взывал под потолок. Он звучал прямо в голове.

Ступни занялись зудом. Ричард почувствовал резкую необходимость движения. Он тер ноги руками, качался взад и вперед, и наконец сорвался с места. Перепрыгивая лавки, и толкая сослуживцев плечами, он помчался на голос. Жажда какого-либо действия выходила горячим потом через кожу.

Охранная кавалерия напряглась, но не останавливала капитана. Пресвитер протянул планшет с ярким, слепящим изображением креста и Ричард коснулся губами экрана.

– Последуйте же примеру своего славного капитана! – закричал епископ. Ричарду удалось разглядеть его. Молод лицом, но с благородной сединой в висках. Небольшого роста. Ричарда меньше на полторы головы. Несмотря на скромное телосложение, ему не нужен был ни микрофон, ни усилитель голоса. Он давал свою речь живую. Будто бы сам господь говорил, через этого маленького щуплого человека. Ричарда слепили вспышками фотокамер и лампами для видеосъемки.

Зашедшаяся воинственными воплями толпа, прижала капитана к трибуне. Каждый спешил прильнуть губами к изображению животворящего креста и вскоре экран стал мутным от жирных и влажных губ. Даже когда экран погас, отбоя от поцелуев ему все равно не было, словно пышногрудой пьяной девице в кабаке.

Кавалерия подняла Ричарда за плечи и толкнула к остальным. Мужчины быстро вытолкали его дружескими хлопками на воздух. Они пробирались к своим автомобилям сквозь столпившихся зевак, что караулили храм со вчерашнего утра, христорадников и больных, что желали хоть глазком увидеть живого Хьюго седьмого.

Ричард шагал быстро, стараясь выбиться вперед. Его спросили о дальнейших приказах, но он лишь отмахнулся, и толпа понесла его вновь за собой.

Капитан Ричард опомнился лишь в баре, сидя в центре стола, нога его тряслась и стучала по деревянному полу.

– Вам принести еще пива, капитан? – спросил Алекс.

Ричард молча кивнул. На смену безудержной энергии пришла усталость во всем теле. Мышцы казались мешками с водой, кости будто из тяжелого черного металла. Он нащупал в кармане помявшийся от давки спичечный коробок, что дал ему магистр. Хитрый лис. Ричард ухмыльнулся и положил обе руки на стол. Юджин громко рыгнул рядом с плечом капитана и этот звук вернул его в реальность.

– За королеву! За папу Хьюго седьмого! – вопили его воины.

В руку Ричарда легла холодная стеклянная кружка.

– За королеву! За папу Хьюго седьмого! За грядущие победы! Пусть клинки будут остры, пули быстры! Да благословит нас Господь! – Ричард поднял кружку, как всегда. Без его слов, праздник не праздник. Если Ричард весел и уверен, то значит и им беспокоится не о чем.

И с других столов донеслись те же тосты и зазвенели кружки. С улицы доносилось ликование толпы, что смотрела трансляцию обращения папы Хьюго седьмого на площади. Теперь они кричали, что-то били об асфальт, пели песни и дрались за бесплатную кормежку. Во время обращений королевы или Хьюго, всегда раздавали бесплатные сладости детям и кашу. На утро после гуляний находили множество затоптанных и задавленных среди мусора и пластиковых тарелок с остатками каши. И завтра утром найдут.

Глава 2. За забитыми окнами

– Собрание точно будет? Уже десять... – магистр прервал занятие брата Мартина. Мартин выводил простые узоры на толстом слое пыли, лежавшей на крышке сломанного рояля. Мартин не знал, что это за инструмент. Собрания братства уже много лет проводились в бывшем концертном зале. Когда-то здесь горел яркий свет ламп, гремел оркестр, а люди аплодировали, пили и танцевали. Об этом может сказать только старый пол в царапинах и маленьких прожогах сигарет.

– Небольшая задержка. – нехотя ответил Мартин и пожал плечами.

– Приветствую, братья! – третий в капюшоне подошел к компании. От него разило весельем и перегаром. На темном плаще были разводы порошка для стирки. Он не слишком скрывал свое лицо. Блестящие глаза и красная морда рвались из-под плотного капюшона. – Папа сегодня объявил поход. Как вам такое?

– Решение папства – верное решение. – все так же нехотя ответил Мартин. Пыль на его указательном пальце, была куда интереснее объявленной два часа назад войны.

– Я к сожалению, пропустил трансляцию. Ее высочество присутствовала?

– Королева? Она уже несколько месяцев не встает с постели. Тяжело больна. Ходят слухи, что это рак. Правлением давно занимается парламент. Не уверен, что наша Анна, вообще жива. Возможно недуг давно убил ее, но нам об этом не говорят. – краснолицый был очень болтлив.

– Господь с вами. Пусть ее величество скорее встает на ноги. Мы будем молиться об этом господу. – нервно сказал брат Мартин.

– Как думаете, папа благословит огнестрельное оружие? Иоан двадцать третий на дух не переносил ничего, кроме старого доброго меча.

– Правильно и делал. Гребаные дьявольские пукалки пусть таскают жандармы, настоящий мужик должен ходить с хорошо закаленным тяжелым мечом! На него налогов меньше. У меня пятеро детей! Как думаешь, что лучше, пять конфет в их ненасытных ртах или пять пуль и в тушке какого-нибудь ублюдка.

– Мы же не при Евгении Стойком! – отмахнулся Мартин. Он очень не хотел этой беседы, но был в нее втянут. И теперь ему кажется, что сболтнул лишнего. Теперь не вернешься к интересной пыли, теперь нужно следить за каждым словом. В идеале, можно выкрикнуть за королеву и Хьюго седьмого, а после обоссавшись, упасть в пьяный обморок. Это точно отведет от него любые подозрения в недоверии к монархии или государственной измене.

– При Иоанне и Евгении Стойком запрещено было лишь то оружие, что находили у городского населения. К чему оно им? У них есть армия, что защитит их. – зачем-то начал рассказывать магистр. Братьев эти подробности не интересовали. Мартин скромно кивал, поглядывая на часы, краснолицый ковырял в носу и вытирал палец о мантию.

– Все верно. Вы правы. – кивал Мартин.

– Ожидание смерти подобно, — Антоний вытащил из кармана спичечный коробок. – Пусть время пролетит быстро.

Мартин отвернул голову, а господин навеселе наоборот возбудился при виде коробка и стал уговаривать брата купить один на двоих.

Сидеть на мокрых гнилых креслах было неудобно. Спины, натянутые как струны. Первый ряд. Верховный брат долго мусолил слова папы Хьюго. Плюсы и минусы похода на восток.

– Не один бог тут замешан. Не все восточные земли были выжжены святым огнем атома. Среди пустынь лежат плодородные почвы и брошенные города Ирана, Ирака, Египта, Турции. Государства, основанные нами после пятнадцатого похода, отчуждаются. Они не желают делиться. Их правители мешали кровь с местными и забывали наши заветы. Они забыли, кто

их Бог, и кто дал им шанс родиться. Их предки участвовали в тех не благословлённых войнах с братьями христианами.

– Каким будет оружие? – выкрикнул красномордый. Лицо его побагровело, после половины коробка. Он хлопал себя по ляжкам и перебивал верховного брата, а сейчас и вовсе заорал на весь зал.

– Хороший вопрос, брат. У восточных агрессоров и наших бывших союзников остались автоматы, пулеметы и другие орудия. Некоторые изготовили свои, по уцелевшим после атомного огня писаниям. Но не оружие, что стреляет огнем и порохом может принести беды. А оружие, что рождает сомнения и слухи. Что погубило наших далеких предков. Устройства дальней связи.

Братья загудели и скрип гнилых кресел разнесся по концертному залу.

– Устройства дальней связи запрещены!

– Ими пользуются только королева и приближенные!

– Они от лукавого.

– Тишина! – заорал верховный брат. – Вижу вы все взбудоражены новостями о походе. Охладите свой разум, мы встретимся завтра. – верховный брат задул свечу. Первый ряд медленно встал, но к выходу не поспешил. Когда их осталось семеро, верховный брат расслабил плечи и спустился со сцены заброшенного концертного зала.

– В походе не будет огнестрельного оружия. Это же смешно. – краснолицый стал еще более разговорчивым.

– Так же, как и двадцать лет назад, – сказал верховный брат с усмешкой. – Священный огонь принадлежит господу и может лишь закалять наши мечи. Из вас кто-нибудь туда отправится?

Молчание воцарилось в огромном зале.

– Оружие будет. Вопрос один. Откуда? Кто из вас знает, что произойдет если бросить винтовку в огонь? Кто из вас знает температуру плавления оружейного металла? Расслабьтесь братья, это не экзамен в академиях. Я просто шучу. Я не видел оружия, но я видел захват северных поселений. Ни один меч не делает таких искусных дырок в телах. Но речь пойдет о другом. О компьютерах, братья.

Капюшоны зашуршали. Компьютеры. Кто-то называл их игрушками дьявола. Другие считали их праздным развлечением, напрасно запрещённым Евгением Стойким. Третьи – считали их диковинной технологией, уничтоженной во время очищения атомным огнем. У одних – это слово вызывало смешки, как будто бы речь шла о гномах или призраках. У других ужас и отвращение. У братьев было свое мнение на это счет. Что конкретно из себя представляет компьютер они не знали, но желали уличить в его использовании папу Хьюго, королеву, парламент или на худой конец своего соседа.

– Следуйте за мной.

Все семеро зашли за истлевшие тряпки штор на сцене и стали спускаться по лестнице. Они подсвечивали себе путь свечами и светодиодными переносными лампочками.

– Познакомьтесь с Эрлом. – произнес верховный брат, откидывая плотную ткань с решетки. Это была клетка для зверя. В таких держали хищных животных для показа городским. До священного атомного огня, создавались целые парки, чтобы показывать людям диких зверей. Особенно это любили дети. Их радостные лица рядом с клетками остались на уцелевших фотографиях. Это казалось диким. Ведь сейчас любой зверь на вес золота. Сажать его в клетку, кормить и показывать соседям это нелепость. Это просто сумасшествие. Но в клетке был не зверь. В клетке был человек. Неопределенного возраста мужчина. Лицо его было кровавой набухшей подушкой. Он сидел на стуле выставив к невольным зрителям обрубки ног. На култях красовались черные толстые нитки и изумрудные разводы раствора бриллиантового

зеленого. Ужин, сдобренный пивом, подступил к горлу от этого зрелища. Брат Мартин отвел глаза.

Эрл. Такие односложные короткие имена давали детям из бедных семей. Они не вызывали никаких эмоций, но вид этого человека вызывал отвращение и интерес.

– Эрл обладает весьма полезным умением, но паршивым нравом. Да Эрл? Как говорили предки «Волка кормят ноги.» Но тебя кормит твой ум, от чего ноги тебе не нужны.

– Что с этим уродцем? – спросил красномордый.

– Перед вами, человек что сможет превратить планшет папы, смартфоны военных и компьютер королевы в оружие. В то оружие, которое разгневало бога, и он благодатным огнем уничтожил большую часть жилой земли.

– Почему он до сих пор жив?

Верховный брат вздохнул.

– Это жирная рыба. Поймай, но не вытягивай сразу. Эрл обладает познаниями в компьютерах. Не в трансляторах с площадей и не телефонах в королевских палатах для вызова прислуги. А именно в компьютерах.

– И что он сказал? – спросил магистр из-за спин других братьев.

– Хьюго седьмой пользуется этой запрещенной технологией. Такие же есть у агрессоров с востока, у ордена Монакийцев и у некоторых других. Мы не знаем у каких. Мы ампутировали ему ноги, Он перестал говорить, когда мы миновали колени.

– Нужно продолжить пытки и раздобыть ему эту машину. – отозвался тихоня Мартин.

– Мы вывели пытками лишь малую каплю информации. Он обезумел от боли, и мы на время оставили его. Через неделю у нас в руках будет лекарство, что действует лучше любого ножа или молотка. Орден госпитальеров готов дать его нам. До очищения атомным огнем, военные использовали его чтобы разговорить лазутчиков без пыток и других усилий. Один укол и все что он знает узнаем и мы.

– Узнаете, что? Секреты дьявола! Ему нужен костер, а не компьютер! – завопил магистр, но здесь его слово было не так весомо, как среди армии или подле королевы и папы.

Фонари не горели. Ричард шел, слегка пошатываясь посреди дороги. В ночное время редко встретишь запряженную повозку, а уж автомобиль тем более. Сентябрь выдался особенно холодный. Хотя старики сказывали, что по сравнению с зимой, после священного ядерного огня, можно ходить нагим и босым в такую ночь.

Ричард приоткрыл дверь круглосуточного скупщика. На Ричарда смотрели мужчина, с маленькими мышинными глазами и арбалет на изготовке.

– А, капитан! – мужчина разулыбался и развернул оружие к стене. – Имел радость видеть тебя сегодня на площадной трансляции речи Папы. Ты вдохновил много народу. Бабы даже интересовались женат ли.

Ричард молча ухмыльнулся и снял с руки часы.

– У! – мужчина надел очки с толстенными стеклами, от чего его глаза совсем перестали быть видны. – Две тысячи восемнадцатый. Еще до священного огня. Десятка.

– Десять? На них не царапины, – возмутился Ричард. – Это Касио!

– Кварцевые! Ты бы еще, капитан, песочные мне притащил! Их даже музей не купит.

– Вы издеваетесь?

– Это вы издеваетесь. Тащите из дома всякий хлам, которому место на помойке, в надежде что за него отвалят сотни или тысячи.

– Не забывайся, коробейник. Знаешь кто перед тобой стоит?

Мужчина сбросил очки на стол и развернул арбалет на Ричарда.

– Проваливай. А часы свои, можешь засунуть в задницу.

Хьюго коснулся воды и поджал пальцы ног. Выругавшись он повторил процедуру. Вода в тазу была слишком горячей. Зажмурившись, Хьюго все же опустил ноги до самого дна. Кожа покраснела, но постепенно привыкла к температуре. Разбрасывая и сминая бумаги Хьюго принялся искать зажигалку. Маленькая желтая бестия спряталась между страницами библии. Он заложил ее туда в качестве закладки, перед тем как впустить слугу с тазиком.

– Хорошо... – Хьюго выдохнул дым в потолок. Ноги окончательно расслабились, вода больше не обжигала, и Хьюго захотелось полностью окунуться в ванну. Он даже на секунду подумал о том, чтобы объявить мытье и принятие душа греховным, как уже однажды сделала католическая церковь. Тогда в городе трубы бы перерезали, заварили, и воду в папских палатах не отключали бы по три раза на дню, и он бы смог хорошо вымыться, после объятий и рукопожатий с потными и грязными командующими, бедняками и священниками из деревянных церквей, в чьих рясах скачут вши.

– Ваше святейшество. – после трех стуков, в маленькую щелку двери просунулась морда кавалера охраны. – Магистр Антоний просит вашей аудиенции. Он весьма настойчив, спустить его с лестницы?

– Разрешить ему входить! – Хьюго топнул ногами в тазу, и вода выплеснулась на грязный от пыли и пепла ковер.

Магистр вошел и впервые за день снял капюшон. Папа ненавидел изрытое лицо магистра. Оно напоминало ему иссохшую морскую губку. От чего папу передергивало.

– Ваше святейшество, прошу...

– Просят милостыню. Антоний, не тяни. Что там с орденом наблюдателей? Как они отреагировали на объявление войны?

– Святейший папа. Беспокоятся о повышении налогов. Откуда-то прознали, что ее святейшество неважно себя чувствует и они уже, хоронят ее, но это еще не все.

– Давай все. – Хьюго продолжал расплескивать воду на пол.

– Они держат в подвале скверного человека. Говорят, он может превратить наши трансляторы и планшеты в оружие! Что якобы он использует компьютеры и знает кто еще этим занимается. Они пытаются его.

– Компьютеры? – папа перевернул тазик. – Никто не пользуется компьютерами! Телевещание и конечно же специальная королевская междугородняя связь. Но компьютеры! Этот еретик просто тянет время, чтобы отсрочить свою казнь! Нужно предать его огню и как можно скорее. А братство отдать под суд! За сокрытие еретика и попытки без лицензии!

– Наши отряды сейчас в польских землях. Вы сами отправили их на поиски атеистов, саентологов и прочих извратителей истинного божьего слова.

– Сзови командующих. И обязательно Ричарда семнадцатого. Ты не обманул, он действительно человек чести и глубокой веры. Действуйте магистр. – папа вытер мокрые ноги о ковер.

Антоний все еще стоял в дверях, будто хотел сообщить еще одну важную новость. Но единственная важная новость для христиан на сегодняшний день была объявление похода в святые земли. И даже прилюдное сожжение еретика, не вызвало бы такого интереса. Даже трансляцию его бы прерывали на рекламу.

– Теперь я могу рассчитывать на помощь вам здесь. Во время похода. Ваше святейшество.

– Теперь я могу рассчитывать на твою помощь мне там! Антоний. Благодаря вашей преданности вы не просто отправитесь с войсками. Вы отправитель туда от моего имени. Мое слово – ваше слово!

– Спасибо ваше святейшество, – Антоний кланялся, а сам еле сдерживал злой рев. Последняя возможность остаться утекала у него из пальцев вместе с серой водой из-под ковра в кабинете папы. – Еще! Чуть не забыл. Глава ордена сказал, что госпитальеры хотят отправить им лекарство, что якобы может любому развязать язык, не прибегая к пыткам.

– Ни один человек, ни одна посылка от орденов не проходит мимо наших пограничников незамеченной, прикажем усилить контроль.

Охранник кавалерии немедленно просунулся в двери что бы проводить магистра. И как только тяжелая дверь захлопнулась папа поднялся, прошлепал мокрыми ногами по полу и выглянул в окно. Дождь только начинал накрапывать, а лужи уже пузырились. Примета к затяжному дождю. Придется использовать бензин для сожжения компьютерного еретика. А так хотелось сделать все по традициям. Что бы всякие тайные общества, не обсуждали в своих вонючих подвалах, что папа использует бензин вместо сухих дров, автомобиль вместо конного папского дилижанса и бездымное кадило.

Хьюго заперся на засов, достал свой планшет. Другой, что не был в слюнях и чешуйках герпеса с губ военных. Нажал на единственный в списке контактов номер. Гудки пробивались сквозь шум. Хьюго закурил новую сигарету.

«Абонент не отвечает. Оставьте свое сообщение после сигнала.»

– Перезвони немедленно. Есть серьезный разговор.

– Походные выплаты только после того, как мы достигнем Босфорского пролива. Я хотел взять аванс, но командующий не принял мое заявление.

– Ничего Ричи, мы справимся, – Мария погладила мужа по прилипшим к лицу кудрям. – Альберт сегодня узнал тебя по трансляции. Показывал на тебя пальцем и кричал папа.

Ричард устало улыбнулся.

– Разогреть тебе капусты?

– Я не голоден. – Ричард все же употребил вторую половину порошка в спичечном коробке, но в его доме негде было разбежаться. Два широких шага от генератора и водонагревателя. Узкий проход между кухней и диваном. Чтобы пробраться к кровати сына, приходилось перелезть через комод.

Альберт уже спал, к тому же электричество отключали на ночь. Единственная свеча освещала стол с грязными тарелками, детскими рисунками и чёрно-белым буклетом. «Не мужи, но воины» гласила надпись на титульном листе.

Ричард взял листовку в руки. Он знал, что это, но все равно задал вопрос:

– Мария, что это такое?

– Одна девушка на рынке раздавала. Я просто взяла, может рыбу на ней почищу. – ответила жена, опустив глаза в пол.

– Ты не умеешь врать, – Ричард смял листовку. – Мария. Даже не думай. Это война. Если этих женщин ничего не держит, пускай идут. Но ты должна заботиться о нашем сыне.

– У них тоже есть дети! И мужья! Которым они хотят помочь! Хотят защитить! До священного атомного огня, женщины служили наравне с мужчинами. – Мария вскочила с дивана и ударилась коленом о стол.

– Милая, прошу тебя. Ты даже не можешь самостоятельно открыть консервную банку. – Ричард наклонился и погладил ушибленное колено жены.

– И что с того? Я не могу поддерживать этих смелых и сильных женщин? Я не хочу увидеть твое имя в списках павших. Не хочу, чтобы наши церкви сожгли, не хочу, чтобы меня отправили в гарем. Не хочу, чтобы от моего сына отрезали часть плоти! Матриарша Елена собирает подписи, что бы ее войско благословили на поход!

– И этого никогда не будет, – Ричард усадил жену обратно на диван и погладил по волосам. – С нами бог. Он оставил наших отцов и матерей в живых после святого атомного огня. Он даровал нам пищу и одежду. Все будет хорошо. А эти женщины, что хотят встать с нами плечом к плечу. Они смелы. И ты можешь поддерживать их прямо здесь. Дома.

Дождь разошелся не на шутку. Мария полезла за тазом. По всему этажу, хозяйева загремели ведрами и мисками. Крыша протекала осенью. Зимой в дома засыпался снег и даже про-

растали сосульки. Городское управление утверждало, что это кислотные дожди, посланные господом за наши грехи, разъедают крышу, но на самом деле, ремонт этой крыши, как и других не проводился с две тысячи девятнадцатого года, а то и раньше.

Ричард жил на улице Терана. В двухэтажном бараке на десять семей военнослужащих. До второго священного атомного огня, улицу называли в честь одного из президентов. Но после второго, единственный уцелевший на этой улице дом обрушился до половины, оставив половину названия улицы где-то в груде камней. Улицы принято было именовать в честь святых или тех, кто на них проживает: торговая, шахтерская, святого Павла. После первого святого огня, люди не придерживались этого правила. Идеализировали простых политиков и создателей не богоугодного оружия. И через двадцать лет на новые улицы всей Европы обрушился новый божий гнев.

Больше таких ошибок они не повторяли. Католическая церковь взяла под свой контроль власть и армию. Уничтожила большую часть вооружения и военной техники. Ведь именно эти технологии превратили плодородную землю, над которой трудился господь, в пепелище. К две тысячи пятьдесят девятому году, или по новому отчислению – пятьдесят девятый год от очищения атомным огнем по всей Европе не осталось практически не одной электронно-вычислительной машины. Почти каждый день на площадях горели костры с компьютерами, маршрутизаторами, книгами, а виселицы не было смысла разбирать, баптистов, англиканцев, иудеев и прочих неистинных христиан снимали сразу, некоторых еще даже живыми. Следующими вели тех, кто верил, что на территории Азии, России и Америки остались выжившие люди. Запрещено было даже произносить названия этих стран по телевидению или радио. Ведь именно они стали виновниками божьего гнева. Папа Себастьян пятый хотел приняться за теле и радиовещание, автомобильный транспорт и телефоны. Погрузить едва стоявшую на ногах цивилизацию в средние века с печным отоплением и свечами. Но вовремя скончался и на папский престол взошел Хьюго седьмой. К папе Хьюго относились недоверчиво из-за его молодости и эксцентричности. Но он хотя бы оставил людям цветной телевизор, электронные часы и станции. Он был верующим, но не безумным. Он был не просто папой римским. Он был настоящим поводырем для своей паствы.

Всю ночь капли звенели о железные тазики и ведра. Ричард лежал весь в поту. Простыни прилипли к спине. Небо из черного становилось серым. За стеной звякнула посуда. Не вставая с постели Ричард нашарил в кармане спичечный коробок и облизанным пальцем прошелся по его стенкам. К нему прилипла только пыль.

Деревянная дверь трещала от ударов ногами. Ричард поднялся, вытер пот покрывалом и бросил под ноги. Перелез через стол и оказался у двери.

– Ваш мундир и меч мой господин! – под дверью стоял сержант Бруно. Как обычно, уже на рассвете Бруно еле держался на ногах. В руках он держал меч и стопку промокшей формы. Сам он был одет только по пояс и плечи покрыл новым плащом, что получил для похода Ричарда.

– Что за вид, сержант? Где твой кафтан?

– Выменял на брагу. У меня еще немного осталось, – Бруно вытащил из поясной торбы полупустую стеклянную бутылку с содранной этикеткой. – Не желаете мой господин? А то на улице очень холодно.

Ричард ничего не ответил вырвал из рук сержанта форму и начал спешно одеваться.

Бруно долго возился со шнурками Ричарда и тот, отвесив ему легкий тумак, завязал сам.

– Я думал, ты будешь пить до самого похода. Сегодня собрался подать рапорт на выделение мне нового слуги.

– Я и сам так думал, капитан. Но вчера ко мне в баре подошел магистр Антоний. Он сказал, что для вас есть задание от самого папы. Я даже протрезвел.

– Доброе утро, Бруно. – от шума проснулась и Мария.

Паренек расплылся в улыбке.

– Ты весь вымок! – женщина протянула ему полотенце. – Я дам ему одну из твоих старых курток, Рич?

– Спасибо.

Ричарда начало раздражать общение своей жены с его сержантом. Она относилась к нему больше как мать, хотя бы старше всего на два года. Марии было девятнадцать, Бруно семнадцать. После священного святого огня, люди жили в лишениях. Эпидемии, больной скот, плохая вода, катастрофы, контролируемая церковью медицина. Рассказы о людях, что доживали до семидесяти становились легендами, а для молодого поколения – фантастикой. Средняя продолжительность жизни мужчин составляла пятьдесят лет. Пятьдесят пять для женщин. Но на деле люди погибали гораздо раньше. Простые бедняки, измученные тяжелой работой и голодом, едва доживали до сорока. Женщины умирали в родах. Мужчины в боях, в шахтах, под колесами поездов.

Самому Ричарду было двадцать восемь. Больше половины жизни было уже прожито. Ричард, как и Бруно отправился на службу в четырнадцать. Но так, как он был из хорошей семьи смог дослужиться до капитана. Отец его тоже служил. Мать была сестрой милосердия. Братья и сестры скончались еще в младенчестве. Поэтому Ричард был единственным ребенком. Ему доставались лучшие игрушки, лучшее обучение. Отец даже сам купил ему форму и меч. От мальчишки, которого посылали вместе с другими разорять мелкие деревни тех, кто не хотел подчиняться церкви и королеве, Ричард дорос до капитана, со своим войском. Бруно же был сиротой и это было его высшим чином. До конца жизни он будет служить Ричарду. Возможно Ричард проиграет его в карты или отдаст за долги. Или Ричард погибнет и высшее командование назначит ему другого господина. Или Ричард передаст его Альберту, как только тот вырастет. Но если смотреть правде в глаза, Бруно сохнет через несколько лет, будет уволен из армии и испустит дух в доме презрения или в канаве возле питейного заведения.

На улице моросило. Ричарду приходилось нагибаться, чтобы Бруно мог нести над ним зонт.

Не смотря на слякоть и раннее утро, жизнь уже закипела. После заката электроэнергию понизят до минимума. Оставят только в больницах, полицейских постах и королевской администрации. Поэтому все нужно успеть засветло. Мальчишки и девчонки опаздывали на уроки, прыгая по лужам. Коробейники гремели своими телегами. Зазывалы лезли в лицо и совали промокшие листовки.

– Кроссовки! Совсем новые! Почти не ношенные, бери не дорого командир!

Ричард оттолкнул торговца и тот завалился в лужу

– Что за дело ко мне, от самого папы? Ты уверен, что с пьяных шар, не спутал магистра с бродягой или проституткой?

– К тому времени я выпил только пол литра и нашего магистра тяжело не узнать. Он говорил что-то про предателя и орден какой-то. Тут я перестал улавливать мысль.

– Папа посылает нас на восточного захватчика, когда некогда, утверждали, что все неверные были уничтожены и лишь нашим предкам было даровано право жизни! Не противоречит ли папа сам себе? Разве смогли бы мусульмане выжить в святом атомном огне? Ясно же, что не на человеческого врага отправляет нас Хьюго! На монстра! Монстра, что не был убит святой радиацией, а был послан дьяволом! – вопил молодой паренек стоя на скамейке. Вокруг него уже собралась парочка зевак.

Ричард с призмением глянул на кричащего и перешел дорогу к двоим из полицейской кавалерии. Они стояли у ларька с пирогами и болтали о чем-то своем. Скорее всего о женах, или вчерашнем кулачном бое, что транслировали после всех повторов папской речи.

– Капитан Ричард семнадцатый, – представился Ричард. – Вы слышали того ненормального? Он пугает людей.

Полицейские кавалеристы оглядели Ричарда, Бруно и только потом вопящего парня.

– Спасибо капитан.

Путь капитана и его верного слуги преграждали все, кому не лень. Коробейники предлагали электрические чайники, мятые консервы, презервативы и детские игрушки. Те, что посмелее демонстрировали электрошокеры и алюминиевый порошок, из-под полы засаленных плащей.

– Встаньте плечом к плечу со своими мужьями и сыновьями! Возьмите в руки мечи, во имя девы Марии. Святой Ирины и Ольги! Чем больше нас будет, тем скорее папа благословит нас на поход! – коротко остриженная девушка сунула Ричарду в лицо буклет. Тот же, что видел прошлой ночью дома.

– Проходите мимо, дамочка. – Бруно оттолкнул девушку и смачно высморкался в ее листовку.

– Моей жене такую всучили. – со злостью в голосе произнес Ричард.

– Да пусть идут! Кто им не дает? Чем нас больше, тем мы сильнее.

– Это решать папе, кого благословлять, а кого нет. Куда мы идем?

– В пивную, естественно. Вам ведь всем дали отгулы до сборов к походу, а где еще нам найти твоих солдат, в эти славные деньки.

Глава 3. Живительные силы

Чего только не найти в безжизненных землях. Кости людей и животных, монеты, обтесанные ветрами и песком, закопанный танк.

– Аллах всемогущий. Это американский танк?

– Нет, мутировавшая змея! Конечно это танк, идиот. Этот Абрамс, был на вооружении у соединенных штатов. Эта дура могла разрушить целое здание, а осколками превратить твою задницу в дуршлаг. Бери лопату и за работу, Аддин. – Раван, вытер потный лоб арафаткой и достал из рюкзака складную лопату.

– Охренеть. – Аддин стоял и пялился на дуло, торчащее из песка.

– Выкопаем, разберем. Продуем движок от песка. Наверняка там еще и остались снаряды!

– Я хочу по нужде.

– Так иди, или ты решил обмочиться в штаны?

– Но... – Аддин замешкался. – В какую сторону. Я не хочу разгневать пророка.

– Хоронят на восток, значит срать на запад.

– А где запад?

– Это американский танк. Они шли с запада. Нос его смотрит на восток. Значит тебе в противоположную сторону! И закрой рот. Испражняются молча. – Раван проводил глупого друга взглядом, и опустил на колени перед торчащей из-под песка башей. Он очистил ее руками, а затем принялся убирать песок с боков лопатой. Он рассыпался во все стороны скапывался обратно, летел в глаза. Раван продолжал. Металл башни быстро нагрелся и когда Раван задевал его локтем он обжигал кожу.

– Эй! Ты собираешься помогать? – крикнул Раван. Вопрос ушел в пустоту. Раван залез на башню и огляделся.

Аддина нигде не было. На мили вперед простирался песок и редкие засохшие кусты.

– Аддин! Ты где? Черт, ты что ушел срать в Норвегию? – Раван быстро выбрался из выкопанной им ямы.

– Аддин! – позвал он снова. В глаза бросилось черное пятно портящее желтизну песка. Из-за слепящего солнца тяжело было разглядеть, куст это, животное, человек или просто мусор.

– Аддин. – позвал он еще и совсем рядом с ухом раздался свист. Хлопок, и прямо рядом с ногой песок разлетелся в разные стороны. Раван вытянулся в струну и спрыгнул обратно в яму. Следующий хлопок и всплеск песка раздавался над самой его макушкой. Он дернул ручку люка, но та не поддавалась. Она больше сорока лет провела похороненной в пустыне.

Два часа. Жара стояла самая злая. Без головного убора даже не стоило выносить мусор. Прохладно было лишь в тени башни госпиталя Святых Петра и Павла. Окна были заклеены фольгой. Деревянный пол полит водой. Дом паломников или старый госпиталь. Все звали его по-разному. Кто-то пристанищем для воинов и страждущих. Больных и здоровых. Кто-то проклятым местом на границе святых земель, откуда никто не возвращался. Госпиталь был самой простой пристройкой к ветхой церквушке. Снаружи невзрачный деревянный барак, зато внутри госпиталь, оборудованный по предпоследнему слову медицинской технику. По последнему слову, стоило лечить святой водой, шалфеем и молитвами.

На мокром полу на крыше было прохладно и даже приятно. Холодный металл винтовки нежился о горячую щеку. В наушниках Рамонес пели про блицкриг и кладбище домашних животных. Только пластырь от пота сползал с изрезанных пальцев. Панама чужака то выскакивала, то скрывалась в глади песка. Выстрел. Панама больше не показывается. Можно было лежать так хоть целый день на стреме, если бы не мясные мухи и сестра Сильвия. Тучная женщина, скрипевшая половицами и предупреждающая о своем приходе.

– Доктор Хейфиц. Обед готов.

Это хорошая новость. У доктора с утра в желудке было пусто и иногда неприятно урчало, и сбивало прицел.

– А? – Хейфиц вытащила из уха наушник и повернулась, не поднимаясь с пола.

– Обед, доктор. Хватит упражняться в охоте, здесь давно уже сожрали все, что могло бегать, ползать или летать.

Хейфиц поднялась. отряхнула мусор, прилипший к белому халату и последовала за Сильвией.

В большой светлой комнате были уже накрыты стол, а все стулья заняты пациентами-паломниками, вооруженными алюминиевыми ложками. Слуги с подносами. Сестры и еще один доктор устало глядели в свои тарелки.

Хейфиц стянула остатки пластыря с пальцев и бросила Сильвии в ладошку.

– Прежде всего! Я хочу поднять бокал за здоровье. Эта хрупкая вещь. Его трудно купить, легко потерять и совершенно нельзя продать. – банка энергетика взмыла над головой доктора.

– Мы так не поняли, чем были больны, доктор Хейфиц.

– А вы так и не сказали, зачем простым православным паломникам, что несут свет и глас Христа, автоматы Калашникова. Ни папа, ни митрополит не одобряют этого дьявольского оружия, что уже навлекло на нас беду. Но здесь не церковь и не суд. Здесь дом страждущих и жаждущих. Здесь не важен ваш цвет кожи и язык молитвы. Здесь здоровье торжествует над смертью! Будем! За здоровье!

– За здоровье! – алюминиевые кружки зазвенели в воздухе будто колокола.

Все жадно глотали вино. А когда последняя кружка ударилась доньшком о стол, все двенадцать паломников выдохнули. Раздался первый кашель. Лица бледнели один за другим. Шумное и хриплое дыхание портило аппетит. Паломники один за одним падали в тарелки или на спину, опрокинув табуретки. Густые комья крови с кашлем вырывались из горл. Одна лишь Сильвия хладнокровно уплетала кашу с мясом, гремя ложкой по тарелке, а Хейфиц закурила сигарету, сбрасывая пепел в пустую тарелку.

– Приберите как закончите с обедом. Оружие и обувь на склад. Тела сжечь. – Хейфиц вставила наушник, болтавшийся на шее, обратно в ухо и принялась за еду.

– Доктор Хейфиц. Сегодня пришли деньги, от королевского банка. А по радио я слышал, что Хьюго седьмой хочет отправить войска на территорию Ирана и Египта. Нам следует подготовиться к размещению войск? – второй врач не выдержал молчаливого застолья с мертвецами.

– Не беспокойся об этом, Савелий. – махнула Хейфиц. – Ешь, а то остынет.

Глава 4. Спрос рождает Бог, дьявол – предложение

– Авель Смит. – представился мальчик в одной ночной рубашке и опустил глаза в пол.
– Знаешь, что значит Смит? Смит – значит кузнец. В Америке Смит. В России Кузнецов, в Германии...

– Отец Дарон запрещает произносить эти слова. – мальчик боялся поднять глаза.

– А знаешь почему?

Авель отрицательно помотал головой.

– Потому что эти королевства разгневали господа. Не бойся меня Авель. Подойди ближе. Сними эту рубашку. Ты выглядишь в ней... – Хьюго прервал телефонный звонок. Мальчик шугнулся от незнакомого звука.

– Подожди. Поешь пока фруктов. Бери, что хочешь. Ало! – папа с ласкового голоса перешел на недовольный вопль. Ему редко звонили на мобильный. Обычно это всегда был один и тот же человек.

«Привет Хью!» – в трубке раздался чрезмерно веселый голос для христианина, от которого Хьюго седьмой давно отвык. – «Семь сотен, не считая гранат. И танк. Вроде Абрамс. Но его нужно раскопать.»

– Мои ребята раскопают кого угодно. А потом обратно закопают. – Хьюго прикрылся простыню, будто бы собеседник мог видеть его. – Я думаю хватит, но запас, как ты говоришь, жопа не лишней. У меня тут объявилась матриарша Елена. Собрала орден девы Марии, хочет идти в поход. Набрала больше сотен женщин, желающих воевать. Я пока не решил благословлять их, или нет. Как думаешь?

«Женская солидарность кричит, что надо. Но стоит ли портить репутацию? В любом случае, оружие возьмут лишь старшие офицеры.»

– Репутация, солидарность. Чем больше, тем лучше. – болтал Хьюго, наблюдая за Авелем, поедающим виноград и облизывающим пальцы от сока ягод.

«Если благословишь их, то этой Елене придется дать княжество в руки, если конечно она сможет его взять.»

– Ага, – лениво протянул Хьюго и скорчил телефону гримасу. – Я слегка занят, созвонимся позже.

– Ваше святейшество! – послышалось из-за двери. – К вам магистр Антоний и капитан Ричард.

Папа зарычал от злости и бросил маленькую подушечку – думку в стену. Авель не обращал никакого внимания, на это жест, а молчал жрал руками.

Хьюго натянул туфли на голые ноги и рясу прямо без белья. Она все равно была до пола. Набросил накидку не завязывая, сгреб со столика кольца и запер кабинет.

Капитан и магистр уже стояли на коленях в зале. Хьюго собрал рукой юбку, как это обычно делают женщины в ветреную погоду. Что бы гости не увидели его тощих голых ног.

Магистр поцеловал руку первым. Ричарду не хотелось делать это после него. Рубцы на лице и губах магистра вызывали отвращения и заставляли думать, о всяких дурных инфекциях.

– Ваше святейшество...

Хьюго сделал взмах рукой, и магистр удалился. Остались только двое охранников и Ричард.

– Ваше святейшество. Большая честь для меня говорить с вами лично. А где остальные?

– Как и для меня. Ваш послушной список весьма занятный. Вы проявили истинную на веру на собрании в соборе, послужили примером молодым солдатам.

– Не знаю, за что господь даровал мне эту личную встречу с вами. Вы могли отдать приказ через магистра, кардинала, или главнокомандующего.

Хьюго начала раздражать болтливость Ричарда. Пока он распинался о знаке свыше, и о том, что личная встреча с понтификом для него была лишь несбыточной мечтой. В кабинете ждал Авель, со сладкими после винограда губами. И весь этот капитан Ричард отнимал драгоценные часы из плотного графика понтифика.

– Христианскому миру и нашим устоям, угрожает зло не только из вне. Но и изнутри. Тайные общества, еретики, собаки жаждущие власти больше чем у самой королевы. Все они угрожают нашему священному образу жизни, за который мы так долго боролись. В городе завелась гадука, имеющая дьявольские знания. Человеческое имя – Эрл. Он безног, но может проникнуть везде. Он хочет сделать бесовским орудием компьютер.

– Как было пол века назад. Он хочет повторить навлечь гнев господень, на нас.

– Этого мы недопустим. Но поселить червя сомнения, пожирающего христианские умы он может. Молодежь, наслушавшаяся стойков из старого мира его главная добыча. Они не видят в компьютерах, того зла, что прячется за веселыми картинками. Я хочу объявить на него тихую охоту. Что бы слепые защитники не встали закрывать грудью этого змия, и никто не пострадал. Мои отряды несут свет на границах бывших светских государств. Чьи люди живут как животные, собирая пищу с земли и поклоняясь идолам. Но зло поселилось здесь, в самом сердце. Ты проявил благородие и показал свои помыслы людям как на ладони. Господь хочет, чтобы я доверил эту миссию тебе. Эрла укрывает братство наблюдающих.

– Ваше святейшество, с этими братствами и неофициальными орденами столько проблем. Почему они вообще разрешены?

Хьюго еле сдерживал веселье и чуть не закинул ногу на ногу от радости, обнажив весь срам.

– Господь говорит твоим языком, капитан! А теперь найдите Эрла и придайте его суду божьему. Но только без лишнего шума. Площадь готовят к параду, к тому же, я отправляюсь в Германию, дать напутствие в поход наших братьям во Христе. Магистр Антоний будет вашим верным слугой в этом деле. Передавайте ему все, что увидите, услышите, или заснимите.

– Для меня будет честью, служить вам, ваше святейшество. Только, снимать мне не на что.

– Не беспокойтесь насчет этого.

Хьюго совсем развеселился и позабыв, что не надел исподнего пустился по залу в пляс. Охранники провожали Ричарда и не могли видеть веселье папы. Сердце просто мужа из народа в его руках. Следующая на очереди матриарша Елена. Но к ней он лично не пойдет. Много чести для простой женщины. А пока папа, очень хотел бы вернуться в свои покои к Авелю, пока тот не сожрал ценных бумаг, с его то аппетитом.

– Магистр!

– Да. – Антоний видно стоял под дверью, резные узоры с нее отпечатались на щеке магистра.

– С остальными я думаю, ты справишься сам. И да, Ричарду нужен телефон, простенький, но с камерой.

– Ваше святейшество, боюсь это вызовет подозрение...

– Магистр, поговорите с кардиналом, подарите первым десяти, нет пяти, старшим офицерам, что записали себя и своих солдат в поход смартфоны. Официально. На соборной площади. Или где-нибудь. Только в коробках, новые, а не тот хлам, что возят в телегах торгаши. Да что я вам рассказываю. Может мне за вас еще хлеб жевать?

– Это охота на ведьм! – Бруно был навеселе. Он успел остаканиться, пока Ричард беседовал с папой.

– Ведьм не существует! – Брайан, дюжий бородатый лейтенант толкнул парнишку в бок.
– Это охота на предателя. Здесь нужно быть осторожными. Это тонкая работа. – пробубнил Ричард. Ему было не по себе. Кровь не прилиwała к лицу. Внимание горожан на него и двести его солдат больше не представлялось приятным и дурманящим голову словно вино. Оно стало зудом в затылке, навязчивым писком ядерного комара мутанта. Ричард отпустил солдат еще погулять, перед славным походом. Пейте как в последний раз, отдавайтесь женским ласкам как в последний раз. И не забудьте помолиться. Ричард не сказал этого вслух, и они разошлись. Две сотни в одну сторону. Капитан и Бруно в другую.

Все они были взрослыми мужиками, чья жизнь ближе к могиле, чем к лону матери. Но Ричарду мерещились мальчишки, что были с ним, когда он учился искусству войны. Четырнадцатилетние, они хотели гонять мяч во дворе и воровать чужие простыни с веревки. Играть в солдатиков, но когда надоест бежать домой, потому что мать звала на ужин. Его друзья, ронявшие мечи себе на пальцы ног, травившиеся ягодами и грибами, и умирающие после чего в скрюченных позах. Ричарду не хватало решительности. Жара, что заставляет ноги бежать, а мозг принимать одно верное решение, отменяя все остальное под половицы.

Даже внезапные подарки для него и пяти других старших офицеров не создавали нужного эффекта. Ричард даже не сразу понял, что ему вручили. Их быстро провели по площади, сфотографировали с кардиналом, потом отдельно кардинала. После поцелуев руки им сунули белые коробочки и быстро разогнали, что бы толпа зевак не успела собраться вокруг и намусорить.

– И что это такое? – Ричард вывалил из коробки плоское устройство и кучу мелких инструкций, большая часть слов на которых была замазана черным маркером. – У папы, вроде, что-то подобное есть. Он на нем мощи святых показывает.

– Это телефон, чтобы звонить. – Бруно выхватил телефон и принялся вертеть в своих грязных руках.

– И кому мне звонить?

– Вам звонить пока некому. Вы возьмете номер у магистра, будете посылать ему сообщения, о вашем задании. Вот смотрите, трубка – это звонок. Конверт – это написать сообщение.

– У меня слишком большие пальцы. Отныне это тоже твоя забота.

Магистр не носил мирской одежды даже дома. У него ее не было. Даже после бани, он заворачивался в свой плащ и накидывал капюшон на невзрачное лицо. Ему было слегка за сорок. Жены и детей он не имел. Все свое время он посвящал церкви и королевскому двору. Находясь меж двух огней, он успевал уделять внимание контролю книг в библиотеках и трансляции передач. Охотно брал на себя обязанности кардинала и некоторых советников королевы, когда те болели, или были в отъездах. Магистр был незаменимым и ненавистным человеком для всех. Он совал свой птичий нос в каждое министерство, каждую комнату, под каждую юбку придворной дамы.

– Орден наблюдателей сменил место встречи. Последние несколько лет собрание проходило в бывшем концертном зале День и Ночь. Я пропустил два последних собрания. Но у меня есть карта всех мест собраний орденов и братств.

Ричард и Бруно кивали.

– Желаете ободрить тело, али очистить разум?

– Твердости в решениях, Антоний.

– Сейчас поищу, – Антоний засеменил по кабинету, открывая ящики, поднимая подушки, вываливая органайзеры на стол. – Твердость. Вот! – магистр выудил из груды мусора на столе белый маленький флакончик без этикетки. – Это в нос.

– По капле? – спросил Ричард.

Магистр фыркнул:

– Вливай сразу весь, не в аптеке!

Ричард запрокинул голову и влил пол флакона в одну ноздрю, и половину во вторую. Слизистую неприятно зажгло. Во рту появилась горечь, даже затошнило. Через силу залил во вторую.

Ричард отсчитал купюры, и они покинули магистра. В носу все еще щипало. Голова сделалась чумная. Захотелось стучать по столу кулаком. Ричард сделался похожим на своего оруженосца. Только тот был просто пьян. Они присели на скамью, во дворе дома магистра. Мимо проходили люди. Бруно извлек из сумки полулитровую бутылку и стал тихонько цедить. Ричард сидел рядом обхватив голову. В голове его звучал голос папы. Его встреча с самим Хьюго стала казаться сном. Что его святейшество забыл на встречи с простым капитаном, что живет в бараке на улице Терана.

«Ты можешь заслужить эту благодать!» – кричал шепот под звон в ушах.

Братства и тайные ордены, что сманивают молодых людей, как наркотик. Ричард не знал ни одного, но уже все до единого вызывали отвращение.

Колокол отзвонил в шесть часов вечера. Ричард поднял голову. Вышедшее из-за туч солнце слепило. На лбу отпечатались ладошки. Сержант растянулся рядом на лавке и довольно похрапывал.

– Бруно! Подъем!

Бруно зашевелился и свалился на землю с узкой скамьи.

– Уже утро?

– Уже вечер, – вздохнул Ричард. Голова болела. В лоб словно налили свинца и его тянуло к коленям. Напутственные слова папы болтались в голове и бились о череп. О чем говорил магистр, Ричард, хоть убей, не помнил. Значит так хочет бог. Значит он представляет ему возможность узнать все самому.

– Знаешь ли ты о тайных собраниях что-нибудь, пьяница несчастный?

– Конечно знаю! Есть одна девка у меня. Она сказывала мне, что папаня состоит в чем-то подобном. Я тогда не понял...

– Можешь проводить?

Бруно вел капитана дворами. Через рынок и даже через разрушенное святым ядерным огнем поселение мусульманских беженцев. Это был не барак, коими застроен центр. Это было старинное здание из красного кирпича. Стены украшала плесень. Во дворе сидели молодые парни и девушки. Они пели под гитару, смеялись и передавали из рук в руки бутылку. Завидев капитанский плащ, ребята притихли. Парни напряглись. Они видно тоже проходили службу и отлучились повеселиться. Но Ричарду нее было до них никакого дела. Он с опущенной головой пронесся мимо. В подъезде было тепло. На подоконниках стояли горшки с засохшими стеблями. Воду на комнатные растения могли себе позволить только в королевском дворце. Бруно два раза постучал в обожженную дверь и цепочка тот час щелкнула.

– Я так соскучилась! – молодая девушка, в домашнем платье резко отшатнулась, увидев, что ее кавалер не один.

– Прости, что не давал о себе знать. Служба знаешь ли! Смотрела телевизор?

– Я смотрела трансляцию, на площади. Ты тоже идешь в поход?

– Да, конечно! – Бруно забалтывал девушку, вталкивая в дом. Он называл ее милой, красоткой, кошечкой. Бруно не помнил ее имени, а девушка, вся залившаяся краской, стояла в прихожей и улыбалась.

– Матери с отцом нет. Можете проходить.

– Это мой...

– Господин Бруно. Разрешите прогуляться, пока вы заняты? – сказал Ричард.

Девушка оживилась. Теперь Бруно стал ей более интересен, и она разрешила Ричарду посидеть в прихожей, а то на улице, как она выразилась, совершенно мерзко.

Молодежь удалилась в одну из спален. Ричард усмехнулся, вспомнил себя и Марию, но радость быстро покинула его. После капель все раздражало. Особенно прихожая, которая была больше, чем вся комната и кухня Ричарда. Убедившись, что Бруно и дочь хозяев заняты, Ричард принялся исследовать дом. В кабинете хранилось много книг, вся литература разрешенная, большей частью религиозная. Подозрений ничего не вызывало. На столе покоилась истрепанная тетрадь с закладками. Ричард раскрыл ее.

«Второе сентября. Семинар в девять. Закрывать окно, а то занесет подоконники. Выпить таблетки перед ужином.»

«Третье сентября. Собрание ордена в десять, в старом баре Лиса и пес. Купить хлеба. Не умереть.»

«Четвертое сентября. Поздравить Аделину с первенцем, собрание в десять.»

«Пятое сентября. На собрании быть обязательно. Дарина хотела цветы. Забыл какие. Куплю ей шоколад на рынке в третьем павильоне.»

«Шестое сентября. Семинарию закрыли. Всех студентов призвали в святой поход. Оплатить воду и электричество. Встретить Дарину и Люси с трансляции.»

Ричард пролистал назад. С Бруно сейчас Люси. Дарина ее мать и жена автора ежедневника. Сам он рассеян и беспамятлив. Записывает даты похода в баню, покупки, адреса, праздники, на которые следует поздравлять знакомых. Собрания, о которых он напоминает себе, проходят четыре раза в неделю. Внезапно они сменили адрес и теперь в помещении какого-то питейного заведения, заброшенного после святого огня. Сам автор преподает в семинарии при военной академии. Судя по списку покупок и обстановке в доме, семья живет в достатке. У хозяина много обуви и канцелярских принадлежностей. У жены и дочери много нарядов и украшений из золота. В доме добротная старинная мебель. Посуда не из пластика и метала. А стол покрыт настоящей скатертью, а не клеенкой. На сегодня в списке дел: купить масла, забрать чистое белье и не пропустить собрание.

Ричард вернулся в прихожую и принялся разглядывать сапоги, когда Бруно вышел из спальни Люси. Они долго прощались в дверях. Бруно поделился с дамой пойлом из пластиковой бутылки и наконец вышел.

– Спасибо капитан. Вы это здоров придумали!

Ричард отмахнулся. Он хорошо знал город с детства. И старое здание с обвалившейся вывеской «Лиса и пес» было ему знакомым. Дети они залезали в разбитые окна и бросались кирпичами в бездомных. Сразу за поворотом после заемной улицы.

На заемной не ложились спать вообще. В снег и дождь, без света фонарей, худые тени ходили от здания к зданию и предлагали займы под двадцать процентов. Иногда даже друг другу, так как в темноте было не разглядеть лиц.

– Мой прежний господин всегда набирал здесь денег перед походами, в надежде, что он там погибнет. В последний раз он все-таки погиб и его жене пришлось отдать дом и оказаться с детьми на улице. Добился своего. Умер богачом. Вы так не хотите сделать? – Бруно утащил из дома своей подруги бутылку какого-то дорогого коньяка и теперь не умолкал.

Пока они прятали плащи за мусорным баком и облачались в вонючие, твердые от редкой стирки балахоны, что дал им Антоний, Бруно успел рассказать про своего старшего брата, который уехал из города, чтобы заниматься сельским хозяйством, нашел себе молоденькую жену, но землю ему дали дурную, ничего не всходило, жена ушла к другому а он спился и умер.

– Я не представляю себя в деревенской жизни. Скотина, хлеб, посиделки на крыльце, домашний табак, отбой с заходом солнца и подъем с восходом. Никакой дисциплины. Мужчина в такой среде распускается и обрюзгает. То ли дело на службе! – Бруно допил остатки и громко рыгнул.

На входе был смотрящий, но капитан и Бруно влезли через разбитое окно туалета. Через него сюда часто попадали бездомные и бродячие собаки в поисках пищи и тепла. На одного из таких чуть не наступил Ричард. Мужчина тихо выругался и перевернулся на другой бок.

Слившись с толпой таких же балахонов мужчины спустились в подвал по лестнице без перил. Если наверху валялся мусор, битое стекло, сломанные барные стулья и воняло мочой. То здесь внизу обстановка была прямо как в доме Люси. Горели приглушенные лампы, а значит у них был свой генератор, ведь после десяти свет подачу электроэнергии по городу отключают.

Хорошая деревянная мебель, найти которую редкость даже если имеешь деньги.

Глава долго приветствовал всех, потом разрешил сесть. Все разговоры были только о походе. Пересматривали трансляцию папской речи.

– Королева, как известно больна. Но видимо не только телом, но и разумом, раз приняла вызов к войне. Мы только встали на ноги. У нас мало мужчин, которые могли бы полноценно работать и восстанавливать цивилизацию. А их отправляют на гибель.

– Это священная война! Этого хочет Бог! – громко сказал Ричард, вскочив со стула, но тут же под пристальным взглядом сел на место.

Присутствующие возмущались. Начали спорить о святости войны и о том чего хочет Бог, а чего нет. Пришли к выводам, что желания папы Хьюго и Бога сильно расходятся.

– Папа говорит, что лишь мы одни – избранный народ, предков которых бог пощадил. Русские и американцы, которые разгневали господя провалились в гиену огненную! Их нет больше на земле. Нет никого кроме нас, так откуда же взяться мусульманам? Вся Африка, Турция, весь восток, все было поглощено огнем. Он высосал ту землю до капли. Там нет ничего и никого. Орден монахийцев посылал туда экспедиций. За морем нет ничего и никого! Кто наш враг? Папа посылает войска в пустоту. Сражаться с призраками?

– Бог всегда будет посылать нам испытания. – выкрикнул Ричард, вновь не удержавшись.

Кто-то из братьев решил перещеголять Ричарда в выкриках с места и завопил:

– Защитникам папы стоит напомнить, о любви Хьюго седьмого к маленьким мальчикам!

– Точно! – отметил другой брат, со знакомой Ричарду тетрадь, в которую он записывает время приема лекарств и видимо, клевету на его святейшество.

Капитан задохнулся от злости. Эти подвальные крысы в дорогих туфлях смеют говорить такое о наместнике бога. Вот они враги. Не за морем и не за городом, а под ним. Ричард потянулся за кинжалом, но Бруно утянул его за край мантии обратно на стул.

– Вы выдадите себя, мой господин.

– Я перережу глотки этим лжецам. Богохульство! – Ричард дёргался на стуле как на иголках.

– Тишина! Эта информация не подтверждена! – глава стукнул по деревянной трибуне, рукав мантии задрался и на запястье мелькнуло посиневшее тату клинчатого креста. Ричард не предал этому значение. Он все еще был в ярости.

Официальная часть собрания закончилась. Кто-то из братьев оставался на местах. Некоторые курили, уединялись с газетой в углу или шептались, кучкуясь по двое. Бруно замешкался и потерял Ричарда в зашевелившейся толпе мантий.

Ричард прошел вдоль стены. Магистр говорил, что пленника держат в подвале, но это и так подвал. Отодвигая пыльные портьеры Ричард находил лишь бетонные покрытые плесенью стены. За одной из таких штор Ричард обнаружил низкий стол с туалетными вазами. Канализация была восстановлена не во всех частях города. Большая часть горожан пользовалась уличными сортирами. В бедных районах пользовались ведрами и вазами, которые по обыкновению могли выплеснуть с порога или даже из окна. Шторы здесь были развешаны далеко от стен. Они покачивались от сквозняка, словно живые. От такого туалета у Ричарда закружилась голова. Казалось, что под шторами нет стен вовсе и можно провалиться в бездну, сделав

неосторожный шаг. Ричард вцепился обоими руками в мокрый от мочи стол и стал греметь горшком, изображая мочеиспускание.

– Брат Яков. Мне совершенно претит мысль о том, что папа будет уличен в подобном разврате. Это вызовет беспорядки, возможно даже массовые самоубийства. – голос доносился до Ричарда, но он не мог понять с какой именно стороны. Одергивая тряпки вокруг себя, Ричард только удалялся от говорящих. Капли, что дал магистр, после прохождения эффекта жутко путали мысли. Превращали голову в ведро с гвоздями. Ричард метался вокруг стола, как в комнате кривых зеркал, а голоса раздавались то слева, то справа.

– Терпение, брат Алексей. Мы должны дождаться монахийцев и их решения. Идите к остальным.

Шторы зашелестели. В туалете появился один из говорящих. Ричард сделал вид что мочиться, но после капель пересохло не только во рту и сколько бы он не старался не мог выжать не капли. Брат взял горшок и встал рядом с Ричардом. Молчание прерывало лишь журчание.

– Я бы советовал вам сходить к доктору, Брат. С этим делом шутки плохи.

Голос принадлежал тому, кого называли Алексей.

– Это мое дело. – ответил Ричард, но Алексей продолжал наблюдать за потугами капитана.

– Эй! Смотри себе между ног!

– Покажите вашу руку. – Алексей резко бросил вазу на пол, и та громко зазвенела, оглушив Ричарда на секунду.

Алексей, так не застегнув брюки пытался схватить капитана за руку и оголить запястье, но и без этого было видно, что у капитана отсутствует изображение креста, как у других членов ордена.

Возня становился шумной, Ричард, сжав свою вазу покрепче в руке ударил Алексея по голове. Теперь звук был не таким звонким. Алексей упал на залитый мочой пол, а Ричард, путаясь в шторах выбежал обратно в зал.

Бруно прохаживался по залу и стрелял у братьев сигареты, когда Ричард пронесся мимо него как пес, которого напнул мясник.

Уставшие заемщики оживились при виде капитана на пустой ночной улице.

– Заем для королевской армии под восемнадцать процентов!

Ричард лишь махнул рукой, а заемщик уже валялся в луже, вывалив на грязь свои буклеты.

Сержанта и капитана вмиг обступила толпа.

– Беспредел!

Заемщики повылазили из своих будок и ларьков. Они стали окружать Ричарда и Бруно, словно хищники добычу.

– Не давайте им уйти! Пошлите за городскими! – писклявые вопли мелкорослых, сутулых, заискивающих существ. Ричард не мог назвать их людьми. Он видел их сейчас именно существами.

Если на шум явится патруль. Он шляется по улице после отбоя, да и ладно бы в пивнушке, вместе с сослуживцами. На это бы закрыли глаза, как никак скоро в поход. А он нападает на людей. Ричард не выдержал воплей снаружи и шума внутри головы. Он выхватил клинок из-за пояса и приставил к горлу одного из заемщиков.

– Видишь этот крест на плаще? Я защищаю тебя и твоего господя, пока ты тянешь из людей последние гроши!

– Капитан! Остановитесь! Капитан! – Бруно вцепился в плечи Ричарда и повис на нем.

– Видишь? – повторял вопрос Ричард, но ответить заемщик уже не мог. Ричард не считал сил. Он хотел лишь припугнуть. Хотел, чтобы холод лезвия отрезвил и заставил прозреть мелкого кредитора, но не пустить ему кровь.

Ричард отпрянул и тело мужчины обмякло и упало ему под ноги. В темноте не было видно алой крови. Она была темной липкой субстанцией на руках, рукоятке. Пару капель попало на плащ, воротник и лицо. Ричард уже убивал. Убивал вооруженных и безоружных. Мужчин и женщин. Иудеев и безбожников. Французов и остальных. Но он всегда знал, что делает. Даже, когда другие ученики случайно ранили друг друга, Ричард был осторожен и следовал правилам. Но он никогда никого не пугал и никому не угрожал. Если поступил приказ убить – он убивал. В полную силу.

Ричард не испугался. Он даже не взглянул на убитого. Смертельно хотелось спать, как после капель, у дома магистра. Бруно тянул его за плащ, и он покорно плелся. Бруно дергал, и он бежал.

Они запутались в чужом белье, разбудили собак. В окне магистра горел слабый свет светодиодного фонарика. Антоний читал. В доме было прохладно ночью, но он все равно ходил в одних брюках и босым.

– Что случилось? На вас напали? У вас кровь, капитан...

– Пустяки, господин магистр. Собаки во дворах. – ответил за капитана Бруно. Сам же Ричард прижимался к косякам и стенам, в поисках удобного положения для сна.

– Капитан, кажется устал. Одну минуту, – Антоний принялся рыться на столе. Среди бумаг и кружек он быстро нашел, то, что нужно. Белый порошок, напоминавший Бруно муку. Магистр высыпал его на обрывок бумаги и сунул капитана под нос. – Вдохните. Будете, как огурчик.

Ричард послушно втянул носом все, что дал магистр. Веки поднялись, зрачки расширились. Ричард больше не искал места поспать. Он тупо глазел то на магистра, то на сержанта.

– Боже правый! Садитесь! Я совсем позабыл о вежливости.

Бруно усадил капитана и устроился сам.

– Я был в лисах и псе. Мне тяжело об этом говорить. Одно скажу, за их клевету на нашего папу, их стоит четвертовать. Бросить на растерзание собакам. Вырвать сердца.

– Боже милостивый! Что же они говорили? – магистр подпер руками подбородок и уставился на Ричарда.

– Ужасные вещи. Мой язык сгниет и отвалиться если я повторю их слова.

– Вы узнали кого-нибудь?

– Нет. Они все скрывают лица. Но я видел у них рисунки, на запястьях. Треугольники, нет, узоры...

– Кресты! – вмешался Бруно. – Такие узкие у основания и расширяются. Давайте я нарисую.

– Вы не вели съемку?

– Простите магистр. Когда я услышал их речи, меня парализовало. – Ричард раскачивался на стуле и теребил накидку пальцами, марая ее засохшей кровью. Бурно тем временем выводил крест карандашом.

– Лапчатый крест. – сказал магистр. – Такие кресты носили ордены в средние века. До священного атомного огня. До изобретения электричества. Очень давно. Кресты тамплиеров, мальтийские кресты. Все они одного типа. Возможно этот орден взял этот крест в качестве своего символа именно поэтому. Они хотят приравнять себя к доблестным предкам.

– Они выкололи их себе на запястьях.

– Что бы везде знать своих. Знак отличия. Татуировки еще не о чем не говорят. В древних культурах они носили значения оберега от темных сил. Потом говорили о принадлежности. До

священного атомного огня, они были модой молодежи, потеряв всякое значение. Превратились в аксессуар, вроде заколки или серьги.

– В те дикие времена, мастеров, что делали рисунки на кожи было, наверное, много, раз это было так популярно. Сейчас все вернулось на круги своя. И они отметили себя этими знаками не спроста.

– Я об этом говорил. – Антоний, устало потер рябой лоб и извлек из бардака на своем столе книгу.

– Вот! Вот такой крест! – Бруно принялся тыкать грязным пальцем в страницы.

– Это символика различных средневековых орденов. Тамплиеры, госпитальеры, тевтонцы... Крест имеет большое значение в геральдике. И в нашем с вами деле. Мы сможем знать на кого они ровняются, чего хотят, и чего от них ожидать.

– Но ведь почти все ордены в средневековье были уничтожены. Преданы казням, за неподчинение. Нам в академии говорили. – не унимался Бруно. Его капитан в этот момент топал ногами и чесал ноздри.

Магистр отдал энциклопедию сержанту. И тот восклицал и охал, как ребенок, перелистывая страницы. Антоний в это время насыпал еще порошка на листок и пододвинулся к капитану.

– Еретика укрывает орден наблюдателей. Их главный принцип – невмешательство. Их символ око, обрамленное треугольником. И тоже набит на запястьях членов ордена. Масонский знак. Всевидящее око, большой брат. Его по-разному называли до священного атомного огня. От простых каменщиков, они превратились в охотников до власти. Много лет прошло, но цель я полагаю, у них та же. Именно они держат в заточении угрозу всего христианского мира. Угроза всему, что построили мы за эти годы. Знаешь, что было после священного атомного огня? Ничего. Все блага что даровал нам бог исчезли. Вода, еда, кров над головой, армия. Ничего не было. Люди скитались по разрушенным городам. Умирали от болезней и голода. Как стадо без пастыря, они были обречены идти, пока не упадут замертво. Но бог направил каждого из них. Они снова собрались вместе, они молились и работали, чтобы создать то, что мы имеем сейчас. Они восстановили порядок, осветили дома, разожгли печи. Бог вознаградил их упорство и стремление жить.

– С капитаном все в порядке? – Бруно озадачено смотрел на своего господина, с неестественно выпученными красными глазами. Из ноздрей у капитана лились белые сопли с остатками порошка и прожилками крови.

– Да! – ответил магистр и вытер нос капитана какой-то тряпкой. – Но я еще раз повторю, вам нужен орден наблюдателей. Никакой другой.

– Но эти люди говорили такие ужасные вещи о папе.

– В следующий раз запишите на диктофон. Жду вас завтра.

Обычно Бруно вели домой под руки. Обычно Бруно совершенно не заботился о своем господине. На службе он мог уйти по поручению, пропасть на пол дня и вернуться совершенно пьяным. Он съедал порцию консервов капитана или обменивал их на бутылку водки. Вместо стирки мундира, он просто опрыскивал его туалетной водой, вместо чистки сапог, просто выставлял их под дождь. Но теперь он нес капитана домой. Мария не спала. Плач Альберта был слышен во дворе. Окна были открыты.

Бруно затащил Ричарда по лестнице и скромно постучался.

– Господи! Вы подрались?

– Нет, он просто пьян. – отчеканил ответ Бруно.

– Слава богу! – Мария помогла затащить мужа в доме и уложила на диван.

– Надеюсь это не будет продолжаться до самого начала похода. Следи за ним.

– Клянусь, госпожа, буду выпивать все, что нальют вашему мужу. Я могу остаться если понадобится помощь.

– Давай. Я постелю тебе на полу.

На самом деле Бруно не хотелось идти в казарму. Там всегда плохо пахло, воровали белье, а кровать могли вовсе сдать на металл. Пока Мария расстилала возле дивана матрац и одеяла, Бруно усыпил малыша Альберта.

– Я бы тоже хотел детей. Только дочку.

– Почему дочку? – спросила Мария.

– Выдал бы ее за богача. Или в монастырь отправил, она бы мне оттуда вино и еду воровала.

Мария рассмеялась.

– Не шумите. Альберт только уснул. Почему Альберт, а не Ричард? Отец капитана, дед, прадед, всех звали Ричардами.

– Это в честь моего дедушки.

– Слышал, назвать мальчиков в честь родственников жены плохая примета.

– Рич не верит в приметы.

Утро наступило поздно. Никому не нужно было спешить к построению. Ричард храпел, лежа на диване. Его сержант на полу. Его сослуживцы, кто под лавкой, кто во дворе пивной.

Хьюго спал в лучшей комнате при дворе, ходили слухи, что сам император отдал папе свои покои, как самые лучшие в стране. А сам, вместе с женой спал на конюшне. Сон был беспокойный. Хьюго снилась война, которую он никогда не видел. А не видел он ни одной. Проснувшись он провел специально для императора, его семьи и поданных утреннюю службу. Но после вчерашнего празднования объявления похода, многие не пришли. Загуляли на радостях. Сам папа тоже рад был бы проспать до обеда, но его вытащили из кровати, умыли, натянули на голову тиару, прямо из холодильника, потому, что папа тоже болел с утра головой.

Только к шести часам он пришел в себя и начал вспоминать, что именно было не так.

– Меня не тошнило?

– Нет, ваше святейшество. – кланялся пресвитер.

– На утреннем молебне я призывал убивать женщин и детей? По Матфею?

– Да. Но этого никто не заметил, ваше святейшество. – скромно улыбался пресвитер и поправлял платье папы.

– Нет так нет. А теперь я хочу отдохнуть перед дорогой.

Папа раскрыл окно и взглянул на хмурые сады. Деревья на отравленной земле росли хилые и скрюченные, как христарадники у вокзала. Они не выполняли своих функций, сокрытие от императорского взгляда, грязного Кельна. Берлин почти полностью был стерт с лица земли во время священного атомного огня и столицу перенесли сюда. Немцы вернулись к добыче руды и шахтам. Техники было мало, а топливо, то что католическая церковь не признала сжигалось просто так. На пути к столице, из окон поезда папа мог увидеть вагончики, в которых жили рабочие и шахтеры, увидеть грязных работяг, их детей и жен, что носят вместо обуви пластиковые бутылки, пришитые к подошвам носок. Мог увидеть ребятню, что собирает возле путей выброшенные консервы и окурки для своих родителей. Мог бы, но был занят разглядыванием каталогов с товарами железной дороги. По ним можно было приобрести игрушечную модель поезда, кружки, футболки и тапочки с надписью: «Национальная компания французских железных дорог.»

Электричество здесь тоже отключали после семи. В отдаленных районах уже топили печи и жгли всякий хлам, от чего небо затянуло серым дымом, а запах его начал проникать на императорский двор. Хьюго отхлебнул капустного рассола и запил кислым пивом. Немцы знают толк в средствах от похмелья. Желудок обволокло холодом. Мысли прояснились. И Хьюго, схватившись за голову, чуть не взвизгнул. Его бы конечно никто не услышал, но не пристало главе церкви визжать как свинье. Вообще никак не пристало визжать. Он закусил кулак и побе-

жал к своему планшету. Экран был липкий и скользкий. Тысячи немцев целовали изображение Христа.

Папа не был уверен, что сигнал сможет поймать сигнал в Германии, но хриплые гудки пошли. Лицо вспотело от волнения и Хьюго поставил звонок на громкую связь.

– Ваше святейшество, говорите громче, руки грязные.

– У меня небольшая проблемка.

– Опять? Залей хлоргексидином и воздерживайся, до самого похода.

– Другая проблема! Я в Кельне. Поехал призывать германцев присоединиться к захвату востока. Они меня напоили. У них были весьма националистические настроения и я, совершенно случайно, сам того не подозревая, сказал, что надо освободить Ватикан. Родину христианства и всех арийцев.

– Как можно было спороть такую ересь, случайно? Какой сивухой они напоили мое святейшество?

– Хватил лишнего и меня понесло. Ты знаешь где вообще этот Ватикан? – нервно спросил Папа.

– Я доктор, а не географ! Из окна я его не вижу, значит далеко. И что ты от меня хочешь?

– От этого Ватикана, наверняка остались погребенные руины. Нехорошо будет, если, исполненные божьей силой, немцы придут брать настоящий город, а там некрополь. Я ведь богослов, а не пустослов.

– Ты остолоп! То есть, к двадцать пятому сентября, тебе нужен слегка восстановленный город с боеспособным и даже агрессивным населением?

– Ну, в общем, да.

– Не кажется ли тебе, что это чудо господне – полный бред.

– Народ враждебно настроен к орденам. Они освобождены от налогов, имеют свои привилегии. Про госпитальеров они вообще слагают небылицы, будто бы в пристанище паломников, вместо врачей и монахов обитают людоеды. Люди у вас там пропадают или лишаются рассудка. – сказал Хьюго и отодвинулся от планшета, ожидая поток ругательств в свой адрес.

– Будет тебе Ватикан. Да такой Ватикан, что твои немцы усерутся его брать!

От этого обещания на душе стало спокойно. Папа сбросил вызов и растянулся на кровати.

Глава 5. Единственное верное решение

– Возлюби ближнего своего! Так говорил господь! Хьюго седьмой врет! Иисус не отправил бы нас на смерть. Он любит нас!

– Он любит нас! – кричала в ответ толпа.

Ричард подсвистывал их возгласам и периодически зевал. Это было третье собрание. На одном собирали деньги, на другом выпотрошили курицу на грудь обнаженной молоденькой девочки, после чего начали бисексуальную оргию. Денег у Ричарда не было, жена была хороша собой и молода. Поэтому дальнейшее участие не представляла ни личного, ни государственного интереса.

От табака, что дал магистр от тошноты и головной боли, рот онемел. Тело обмякло, как мокрая тряпка. Злость сменилась безразличием. Желудок засосало от голода. Толпа танцевала и уверяла себя, что Иисус их любит. Ричард этого не понимал. За что их любить? За песни и пляски? Они не держали в руках меча, не убивали ради господа своего.

– А, по-моему, весело. На наших то проповедях скука. – Бруно притоптывал ногой в такт музыке.

– Господь вложил в наши руки оружие, а не микрофоны. Идем отсюда.

Бруно пинал камни и предлагал выпить каждые пять минут. Из-за густых туч, выглянуло слабое осеннее солнце. Ричарда разобрала усталость. Все собрания орденов проводились поздно. Когда город погружался во тьму, и уменьшали подачу электричества. Серьезные собирались в старых бомбоубежищах, что строили до священного атомного огня. Простак в заброшенных зданиях.

Ричард искал без сна уже второй день. Карман брюк жег наполовину пустой спичечный коробок, данный магистром для бодрости тела.

Ричард огляделся. Прохожие смотрели себе под ноги. Бруно был увлечен телефоном – новой игрушкой, подаренной кардиналом. Сержант быстро научился с ним обращаться. Делать снимки на собраниях, писать сообщения, даже скачал каких-то старых популярных песен.

Ричард быстро вытряс коробок в рот и размазал безвкусный порошок по деснам. Бодрость была кстати. Возле городской больницы собралась толпа. И собралась явно не проведать больных друзей или родных. Городские еле сдерживали их. За слабым живым щитом из городской кавалерии, стояли солдаты и младшие офицеры. Ричард узнал среди них и своих. Алекс, Брендон, Юджин.

Из какофонии криков, можно было разобрать, что благословлённые на поход воины, распустились. Они не платили в пивных, ломали мебель, нападали на молодых девушек, отбирали деньги и воровали на рынках одежду и еду.

Командиры, держа наготове оружие защищали своих солдат смачной бранью. Мол, девицы сами провоцировали их, а хозяева пивных пытались обсчитать.

– Вот он! Он зарезал посреди улицы Пауля Грезяна! Ричард семнадцатый!

Ричарду на секунду показалось, что обе стороны умолкли и уставились на него. Горожане смотрели со злостью, сослуживцы с недоверием. На самом деле, они продолжали перепалку, зажимая кавалеристов, не обращая на капитана никакого внимания. Кто-то из-толпы бросил камень.

Но Ричард уже этого не видел. Охваченный страхом и бодростью из спичечного коробка он побежал вниз по улице.

Толпа прорвалась. Послышались выстрелы. Кавалерии разрешили применить спорное в последнее время оружие. И это пока Папа в дороге. У Ричарда все смешалось в голове. Ему стало казаться, будто стреляют по нему. Будто бы он не оплатил пиво, дебоширил на рынке и даже кого-то изнасиловал.

Ричард задыхался. К горлу подступила вода, которую он пил еще утром, но ноги продолжали нести его прочь. Пот заливал глаза, и Ричард врезался в металлический забор.

Слабость вновь охватила его чресла. В голове звенело от удара. Ричард лежал в мусоре. Обглоданные кости, остатки пищи, банки, бутылки. Вонь стояла жуткая, но Ричард ее не чувствовал он проваливался в темноту.

Когда святой атомный огонь стер карты, их нарисовали заново. Красными и черными маркерами, углем и простыми ручками по старым границам. Папские области. Священная германо-австрийско-чешская, французское и испанское королевства. Мелкие государства, что не были присоединены силой на картах не обозначались. Рано или поздно они отойдут империям или погибнут. Толстыми, неровными крестами были зачеркнуты северная и южная Америки, Китай, две Кореи. Россия, Украина. Африка заштрихована синим. Большая ее половина ушла под воду из-за вызванных священным атомным огнем. Оставшаяся часть отмечена черным пунктиром, как безжизненная и ядовитая земля, где не сможет жить ни человек, ни зверь.

До недавнего времени тем же пунктиром отмечали Турцию и Египет. Ирак, Иран, Сирия штриховались так же черным. Еще до первого священного атомного огня, грешники уничтожили эти земли. Изорвали, изрыли, выкачали и оставили иссыхать.

Новые и новые карты отпечатывались почти каждый месяц для школ. То разрушат дикие поселения атеистов на границах Хорватии, то захватят православных Болгар. Взрослые об изменениях в картах узнавали из новостей. И сами исправляли если было время.

В отравленные безжизненные земли новых карт не посылали. Ибо некому. Единственное папское учреждение в тех местах, это приют для христианских паломников и разведчиков.

Карты в Шанлыурфе были старые, не тронутые. Еще на турецком языке. Америка была оторвана за ненадобностью. Вместо крестов, красные круги, и расстояния от них, до самой жирной точки – больницы, при храме святых Петра и Павла. Храм выстоял после священного атомного огня, но был разрушен землетрясением.

Карта в Шанлыурфе была, наверное, одна. У доктора Хейфиц. На карте появилась новая красная линия и новый круг. Ватикан был в его центре. Хейфиц взяла линейку и измерила расстояние. Стряхнула крошки с мелкого шрифта, где был указан масштаб карты, посчитала на старом калькуляторе с выломанными кнопками.

– Доктор Хейфиц. У ворот двадцать восемь армянских паломников. Говорят, что хотят попасть на историческую родину – Стамбул, искать остатки цивилизации. – Савелий стоял в дверях со свечой.

– Армяне? – переспросила Хейфиц и оттянула край линейки. – В Стамбул? – она отпустила линейку, и та звонко шлепнула по столу. – Двадцать восемь? Нужно минимум сорок, чтобы восстановить цивилизацию.

– Сказать им об этом?

– Не... – Хейфиц с улыбкой отмахнулась. – Дай им еды и скажи, чтобы собирались в путь. Оружие у них есть?

– Русские автоматы и простые ножи. Я приказал все сдать на склад.

– Я уеду на ночь. Двадцать восемь. Ну надо же. – Хейфиц еле сдерживала улыбку при Савелии.

Солнце садилось, но жары это не убавляло. Хейфиц прошла через старый коридор церкви. Проходы были завалены обрушенными стенами. Приходилось на коленях проползать под плитами.

Соломон и Диана Хейфиц собирались восстановить храм. Маленький маяк христианства в сухих и опасных землях. Все, кто искали убежище в госпитале святого Петра и Павла, охотно жертвовали на восстановление храма. Предлагали физическую помощь и моральную. Соломон надеялся, что папские области расширятся в Турции, в теплом климате, где урожаем и скот не

погибнет от ядерной зимы, а люди смогут ходить в сандалиях и легких платьях. Диана надеялась, что вдали от папского надзора, сможет пробовать новые методы лечения, проводить вскрытия умерших, использовать рентген аппарат не только по пятницам, но и по любым другим дням. Все их мечты и планы перечеркнула одна эпидемия, оставившая от всего ордена, троих человек. Молодого студента врача Савелия, сестру Сильвию и дочь Дианы и Соломона – Марго, которой на момент эпидемии было двенадцать лет.

Соломон и Диана были людьми хозяйственными и не уничтожали даже то, что запрещала церковь. Авань, пригодится. И Марго унаследовала эту привычку.

В расчищенном от завала молебном зале стоял старый американский джип, накрытый брезентом. Трофей от искавших ночлега паломников.

Хейфиц сняла брезент. Автомобиль был еще теплый, от дневного солнца. Загрузив канистры прямо на сидение доктор Хейфиц двинулась по бездорожью, развернув карту, закрывая себе почти весь обзор.

В таких местах водить уметь даже не обязательно. Остатки дорог пусты и безжизненны. Можно встретить старые, выцветшие знаки об ограничении скорости, да высохшие кусты.

В машине была даже магнитола. Кнопки не реагировали, но можно было вставлять диски. У нее была целая коллекция рока шестидесятых, которую Хейфиц нашла у какого-то трупа в сумке. Диски подписанные маркером. Марго особенно нравилась «Сын удачи» и «Зеленая река». Когда она еще не умела ездить и едва доставала ногами до педалей, то часто пробиралась к машине и включала музыку. После болезни, убившей всех членов ордена госпитальеров и родителей Марго, можно было слушать их на полную громкость, не боясь быть отчитанной отцом или матерью.

Миновав знак Суруч, Хейфиц свернула и приглушила музыку Асфальт, изуродованный корнями, совсем исчез.

Глава 6. Посевы

– Мы возьмем Ватикан, раньше, чем французы. Провозгласим своего папу. Нам никто никогда не указывал и не будет! Двухтысячные года не в счет.

– К какому числу собирать войска, ваше высочество?

– Собирайте сейчас. Отдайте приказ о готовности. Мы выйдем на пять дней раньше, чем объявил папа. – на морщинистом подбородке Виго показалась капля слюны. Теперь советники и генералы не слушали, когда, кого и куда. Все стало интересно, как скоро она упадет за отороченный золотом воротник. Или же она упадет на дубовый стол. Или же, при очередном выкрике попадет на лицо советнику Генриху.

– Они набирают в свои войска каждого. Любого еврея, румына, турка, что за кусок хлеба поцелуют руку папе и примут христианство. Наши же войска подвергаются отбору и тренировкам. Священный атомный огонь очистил нашу нацию, для того чтобы господствовали над оставшимися землями.

– Спасибо господу за это!

Виго распустил совет. Когда все поспешно удалились он сделал круг по залу собраний, поднял один из стульев и уронил на пол. Повторил процедуру. На шум никто не реагировал.

– Налоги. Казнь. Мифология. Я ношу подгузники. – тихо произнес Виго и прижался к двери.

– Они не слушают. – потайная дверь, за стеллажом с книгами открылась и в зал вошла жена императора.

– Ты бы почувствовала. – Виго сел на свободное место, с краю от своего, супруга устроилась, напротив.

– Твоя речь была суха. – она неспешно достала колоду и принялась перебирать карты в руках.

– Я не священник, чтобы рассказывать сказки на полтора часа.

– Стоило сказать им, об источнике силы, что сделает их непобедимыми.

– Рано, Ада, рано.

Виго был стар. По всем параметрам современной шаткой цивилизации. Он страдал одышкой при ходьбе и длинных речах. Локти и колени его хрустели. Волосы, сколько не крась, проявляли седину. Щеки белели от нее, сколько не брей. Аделаида была моложе супруга. А может и нет. Волосы, как смоль черные, карие глаза, с мелкими, почти незаметными за косметикой морщинками, стройные руки. Никто не знал, сколько именно лет жене императора. Самому ему было шестьдесят.

Аделаида разложила карты.

– Путь будет легок, в начале – лишь пешки, один король, – Ты. Анна при смерти.

– Анна Великоосвященная?

– Болезнь и смерть сулят ей карты. Королева не доживёт до начала похода. Черная дама, встанет на пути твоих войск, но не королева. Ее не вижу я. Не знаком ты с ней. Она и двое мужей. Один с мечом, другой с головой. Один силен, другой хитер.

– Дальше! – повысил голос Виго. Аделаида меняла карты, перекладывала из руки в руку. – Что ты еще видишь?

– Смерть. Много смерти. Интриги. И тайна. Тайна которая откроется тебе под самый конец. Когда будет казаться, что все напрасно.

Виго с трудом перегнулся через стол и схватил жену за лицо. – Чью смерть?

– Не знаю. Это война, а значит смерть. Не твою, душа моя. Нет.

– Что за святой источник?

– Много бед несет источник. Но достойному дарует всю свою силу. На пути его опять король крестовый. Валет червей и дама пиковая.

– Папа, как пить дать, – Виго опрокинул стул и зашагал по залу, тяжело дыша, – В его руках и армия и королева. Его генералы. Кто-то из них. И дама. Не королева.

– Они лишь преграда. Силы их не сравнить с твоими.

– Я должен быть уверен. Проведи обряд.

– Я проводила в прошлую субботу. Мои силы еще не восстановились.

Виго вмиг пересек комнату, забыл о хромоте и с силой ударил по столу.

– Так постарайся!

– Прошу! Дай мне времени. – Аделаида не боялась супруга. Не моргнула и глазом, пока он махал перед ее лицом руками.

– Время нас обмануло. Наши предки жили в богатстве и изобилии. Они летали в небесах и пересекали огромные расстояния в считанные часы. Они не вспахивали землю руками. И вмиг, все это исчезло в священном огне. Время у них летело быстро. А теперь течет медленно. Слышишь стук?

Аделаида кивнула.

– Это строят виселицы. Перед походом я очищу нашу нацию от недостойных, как это делали мои предки. И ты, если не хочешь оказаться среди ущербных, проведешь обряд.

– Завтра луна начнет расти. Мне нужна будет твоя кровь и разрешение покинуть дворец без сопровождения.

– Конечно. – Виго протянул руку супруге.

Аделаида взяла одну из карт и провела острым краем по ладони, меж свежих и старых шрамов. Виго не впервые дает ей свою кровь.

– Не ешь и не пей ничего кроме воды, до завтрашнего заката. – наказывала Аделаида собирая капли крови в маленький пузырек из-под таблеток.

Горькая вонь ударила в нос капитану Ричарду. Он открыл глаза. Но это было бесполезным действием. Мутная пелена сменила черноту век. Запах тлеющих бычков раздражал нос. Ричард чихнул.

– У него кровь носом!

– Все в порядке.

Ричард наконец смог сфокусироваться на грязном лице со свалывшейся короткой бородой. Стоило Ричарду расслабить шею, и он видел лишь серое небо, смотри в него долго и того гляди утонешь. Он вновь напряг шею и увидел восемь лиц. Молодые и старые. Бородатый был ближе всех, Ричард протянул руку под бороду, к горлу, но тут же по руке ударили палкой. Оставалось только лежать и пытаться, разглядеть в серых облаках, хоть что-нибудь, что вернуло бы сил. Его больше не били, наоборот обтерли лицо от кровавых соплей и накрыли тяжелым дурно пахнущим одеялом. Шорох и голоса удалились. Ричард не мог разобрать, о чем говорят его похитители. Всякая чепуха. Будет ли дождь? Как здоровье у Филиппа, после вчерашней стычки с городской кавалерией, скоро ли ждать пополнения у Лиисов.

Ричард поднялся на локтях. Он обнаружил себя на узкой кровати с черным от грязи матрасом. Над головой был самодельный навес из автомобильной двери и четырех столбиков.

– Наш капитан проснулся! – бородатый снова возник перед лицом Ричарда. – Ты как капитан? Есть хочешь?

Есть Ричард не хотел. Его тошнило, клонило в сон и безумно хотелось найти в кармане подарок от магистра. Но не коробка, ни флакона с каплями, ни таблетки не было.

– Кто вы такие? И что хотите от меня? Я капитан армии ее величества, Ричард семнадцатый.

– Да знаю я. Евгений, – бородатый протянул Ричарду свою грязную руку.

– Кто ты такой, чтобы я жал тебе руку? – Ричард напрягся, готовясь вскочить со своего ложа.

– Евгений. Как ваш бывший император. Это Марк, Этьен, Урбан, Каталина и Фабьен. Остальные на побирательстве, будут вечером.

Ричард не ответил. Он огляделся вокруг. За горами мусора не было видно горизонта. Он на свалке. До священного атомного огня и после него, эта свалка только расширялась. Здесь хоронили технические, пищевые и даже опасные отходы. Администрация ждала момента, когда можно будет переработать целый гектар отходов в энергию или топливо. Разрешение от церкви и зеленый свет от ученых, когда те восстановят технологию вторичной переработки. Так, на кучах мусора появились поселенцы. Евгений, Марк, Этьен, Урбан, Каталина, Фабьен и другие, что побираются в городе.

– Когда я тебя увидел, по трансляции. Сразу понял, по твоему потерянному взгляду, что ты не пойдёшь в поход. Поцеловал руку и крест в обязательку. Подумаешь. У тебя жена есть?

– Да есть.

– Давай ее сюда. Где живешь? А то замучают бедняжку. Начнут ходить к ней, выяснять за тебя. А когда войска в поход выйдут, сам бог ведает, что с ней станет.

Ричард молчал, а Евгений все говорил и говорил.

На свалке жить вольготно и свободно. Городовые не стоняют с рассветом на утреннюю. Нет никаких налогов. Мальчиков не призывают на службу, девочек на благотворительную работу.

– Задрал языком чесать! – крикнула Евгению Каталина. Это была маленькая, но крепкая женщина, непонятного возраста. – Накорми человека!

– Не урчи. – Евгений ушел и не прошло минуты как вернулся со вскрытой банкой тушенки и кашей в пластиковом контейнере. Он отогнал мух от пищи и протянул Ричарду.

Ричард сморщился.

– Этой тушенке лет двадцать!

– Так ведь она не вскрытая! Тебе думаешь, другую выдают? Из-под конвейера? Все одно! Ешь, не помрешь! Вот с рыбой нужно осторожничать. Она в любом виде долго не дюжит. Каша тоже, если плесень снять —сгодиться!

Ричард не стал слушать дальше, выхватил банку и принялся жадно есть руками. Он не ел почти два дня, и до этого момента не подозревал, как проголодался.

Опустошив банку и так и не наевшись, Ричард впал в уныние. Его жена умудрялась разделить такую банку на три дня. Им выдавали по банке в неделю на каждого члена семьи. Изредка давали рыбу, и ту уже с душиком, так как долго была в пути. Хорошо, соседи Клара и Эдмунд воровали на полях капусту и давали часть Марии, за то, что она присматривала за их детьми.

Отогнав мух, Ричард съел и кашу с кислинкой напоследок, Евгений сунул ему бутылку острого соуса. Слегка засохший, он все равно не потерял вкуса.

– С ним все сойдет! У тебя жена то нормальная? Не юродивая? Руки, ноги на месте?

– Да. – с опаской ответил Ричард.

– Жаль. Ну да ладно, тут будет работать.

Из бесконечного трепа Евгения, Ричард узнал, что они живут на свалке довольно долго. Это второе, и уже подрастает третье поколение помойных крыс. Питаются тем что найдут или выпросят на улицах. Живут в старых грузовиках. Здоровые и взрослые сортируют мусор, ищут что-то полезное, чинят, перепродают. Дети до четырнадцати лет, а так же мужчины и женщины с увечьями, вроде отсутствия ноги, руки, глаза, горбатые, частично-парализованные и прочие христарадничают у церквей, больниц и вокзалов. Разделения власти у них нет. Сначала могло показаться, что главный тут Евгений, но он просто самый болтливый. Всем найденным, отремонтированным и выпрошенным на улице они делятся в конце дня.

– До огня, все так жили. Все их машины, бытовая техника, одежда и даже еда – вторсырье. Вот как думаешь хлеб делали? Остатки засохшего размачивали, мешали с новым тестом и в печь. Мамка говорила, даже туалетную бумагу перерабатывали и отправляли на тетради и книги. Правильно ты сделал, что к нам ушел. Война – это плохо. Особенно для нас. Вы все уйдете, а кто мусорить будет? Но с другой стороны, в городе останутся сердобольные старухи. Они всегда хоть корочку или стакан воды подадут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.